

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Запорожца Владимира Михайловича

**«Роль тюрков-сельджуков в исторических процессах на Ближнем Востоке
в XI – начале XIV века», представленную на соискание
ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.03 – «Всеобщая история (средние века)»**

Диссертационное исследование Владимира Михайловича Запорожца посвящено важнейшим проблемам военно-политической истории империи Великих Сельджуков и Сельджукского султаната в Малой Азии (Румский султанат, Конийский султанат; автор диссертации использует понятие «Государство Сельджуков в Малой Азии»). Внимание к этой теме связано с дискуссионностью существующих в настоящий момент подходов к оценке кочевого наследия в политической жизни империи Великих Сельджуков и структуры ее управления, характера миграций огузов и представителей других тюркоязычных этнических общностей на территорию Анатолии, политических институтов и военной организации Сельджукского султаната. Все эти вопросы находят детальное освещение в диссертационной работе «Роль тюрков-сельджуков в исторических процессах на Ближнем Востоке в XI – начале XIV века».

Актуальность выбранной В.М. Запорожцем темы не вызывает сомнения, поскольку в отечественной науке, кроме исследований автора диссертации, за последние три десятилетия не выходило специальных монографических работ по проблемам истории Сельджуков. В то же время западноевропейские и американские работы, направленные на критический пересмотр достижений турецкой науки, укореняют постмодернистский взгляд на историческое прошлое разных политических образований Сельджуков. Дискурс с представителями других методологических направлений позволяет В.М. Запорожцу более отчетливо сформулировать собственный взгляд на ключевые проблемы политической, этнической и военной истории потомков Сельджука. Автор диссертации исходит из классических принципов историзма, научной объективности, при-

оритета источника, системности в его изучении, что служит прочной основой для выводов исследователя о характере и особенностях политической системы империи Великих Сельджуков и Сельджукского султаната в Малой Азии.

Реализация сложной цели диссертационной работы («показать роль тюрок-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в X – начале XIV вв.») и достаточно широкого круга задач осуществляется на основе разных методов, таких как анализ и синтез, контент-анализ, сравнительно-сопоставительный метод, факторный анализ и др. Применение в отношении каждой из задач определенной комбинации методов позволило автору диссертации в целом обоснованно высказать свои идеи и сделать концептуальные выводы.

Личный вклад соискателя в разработку рассматриваемой темы достаточно обширен. В историографическом разделе он в полемической форме изложил взгляды отечественных, турецких, западноевропейских и американских исследователей в области изучения политических институтов государств, основанных Сельджуками и критически обобщил достижения современной науки. Особенно дискуссионными автор диссертации считает трактовки Э. Ч. С. Пикоком характера политических традиций в империи Великих Сельджуков, которые связывались со степными традициями кланового управления и деления империи на крылья.

Заслугой соискателя является доскональная проработка источников по вопросам военно-политической истории Сельджуков, организации властных институтов, военной организации империи Великих Сельджуков и султаната в Малой Азии. В.М. Запорожец уделил много внимания изучению политической истории этих сообществ, внешней политике, вопросам внутреннего устройства. Особенно стоит выделить подробнейший анализ политической организации Сельджукского султаната, властных полномочий султанов, символики власти, состава армии, принципов мобилизации, социальной структуры городского и сельского населения, экономических связей и торговых отношений, организации ремесленного производства, развития образования и культурных традиций тюркоязычного населения конца XII – первой трети XIII вв. Основной срез изу-

чаемых вопросов берется по правлению Алаэддина Кейкубада I (1220-1237 гг.) и некоторых его предшественников. В.М. Запорожец также выстраивает непротиворечивую версию трансформации в Малой Азии на протяжении XI-XIII вв. этнонима «огуз» в политоним «тюрок» (с. 318). Освещая роль тюрок-сельджуков в истории Ближнего и Среднего Востока конца XII – первой половины XIII вв., соискатель называет Сельджуков силой, «определявшей военно-политическую обстановку» в данном регионе (с. 336). Стоит подчеркнуть, что так комплексно вопросы истории Сельджуков в отечественной науке освещаются впервые.

В целом, большинство научных положений и выводов, выносимых на защиту, являются достоверными и обоснованными. Ряд положений и утверждений соискателя носят дискуссионный характер, о чем будет сказано ниже, но и они носят ярко выраженный авторский характер, подчеркивая стремление Владимира Михайловича Запорожца дать максимально целостную картину политической истории Сельджуков. Наиболее аргументированными и интересными считаю положения о независимом характере развития государства Сельджуков в Малой Азии от империи Великих Сельджуков, о различном отношении в данных политических образованиях к огузам (поощрение миграций на территорию султаната, превращение Малой Азии в новую родину), о развитости аппарата управления в центре и на местах в Сельджукском султанате и др.

Научная новизна исследования определяется слабой изученностью в отечественной науке проблем истории сельджукской политики в Малой Азии, попыткой выявить роль тюрок-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке и предложенным соискателем положением о том, что военная организация Сельджуков в Малой Азии была взята за основу строительства военной системы османов (с. 13).

Научная значимость выводов В.М. Запорожца связана с тем, что ему удалось поднять на новый уровень изучение в отечественной исторической науке истории Сельджукского государства в Малой Азии. Материалы диссертации могут быть положены в основу дальнейших научных изысканий, учитывая, что многие такие аспекты, как генезис государственности у тюрок-сельджуков в Малой Азии, образ правителя и сакрализация власти, роль огузской военной

системы в генезисе военной организации Сельджукского султаната, соотношение кочевого начала и оседлых традиций, влияние материальной и духовной культуры огузов на повседневную жизнь населения султаната и т.д., еще недостаточно раскрыты и ждут своих исследователей.

Практическая значимость выводов и рекомендаций соискателя связана с необходимостью их внедрения в общие и специальные курсы по истории средневекового Востока и истории Турции. Результаты диссертационного исследования могут быть также обобщены в учебном пособии по истории Сельджукского султаната в Малой Азии и ранней истории Османской империи.

Наряду с отмеченными достижениями соискателя следует указать на определенные недостатки и дискуссионные моменты, которые присутствуют в диссертации.

Диссертация включает семь глав, которые разбиты зачастую на неравноценные параграфы (от 3–6 до 25 страниц). Представляется, что в структурном отношении работа сильно бы выиграла, если бы материалы диссертации были бы сведены в три главы. В этом случае, например, генезис, расцвет, характеристика политического устройства и военной организации, стагнация и упадок империи Великих Сельджуков анализировались бы в рамках одной главы, что позволило бы В.М. Запорожцу сосредоточиться на обобщающих оценках динамики развития имперской системы, ее специфики, роли Сельджуков в общественно-политической жизни Среднего и Переднего Востока.

В первой главе с заголовком «Историография проблемы» отсутствуют классические признаки историографического раздела. Из этой части работы невозможно узнать, когда началось изучение истории Сельджуков в России и зарубежных странах. Не оговариваются принципы выделения периодов, также отсутствует собственно периодизация изучения сельджукской проблематики. Только в отношении современной западной историографии соискатель указывает на специфику методологических подходов, в то время как в отношении исследований XX века влияние методологических школ и исторических парадигм не отмечается.

Материалы четвертой главы диссертации «Византия накануне прихода Сельджуков в Малую Азию» содержат довольно пространный очерк о возвышении Византийской империи в период правления Македонской династии, хотя основные параметры этого явления вполне можно было изложить в двух-трех абзацах. Характеристику же положения Византии в середине – второй половине XI в., когда начались вторжения тюрок-сельджуков в Анатолию, следовало дать в первом параграфе главы о возникновении Сельджукского султаната в Малой Азии, как это было сделано в первом разделе второй главы в отношении Саманидов, Газневидов, Караханидов, Буидов и других политических игроков на пространстве Среднего Востока накануне рождения государства Сельджука.

Вызывает возражение представленное в положениях, выносимых на защиту, и в основном содержании диссертации утверждение о том, что «уничтожением армий Второго Крестового похода (1147 г.) государство Сельджуков в Малой Азии выполнило историческую миссию – защитило мусульманское население Ближнего и Среднего Востока и предотвратило угрозу, нависшую над исламом как религией» (с. 12, 281, 428). Очевидно, что задачи участников Второго крестового похода не распространялись на Средний Восток и тем более перед крестоносцами не ставилась задача уничтожения «ислама как религии», несмотря на очевидную религиозную нетерпимость в отношениях тогдашних цивилизаций. Возможные максимальные достижения крестоносцев в виде отвоевания графства Эдесского, вытеснения сельджуков из Западной, а возможно, и Центральной Анатолии и захват Дамаска никоим образом не могли «ликвидировать» ислам даже на региональном уровне. В других своих высказываниях В.М. Запорожец был гораздо ближе к объективной оценке, когда указывал на то, что сельджукам удалось отстоять свои завоевания в Малой Азии (с. 12, 281). Мотив «защиты исламского мира» звучит в оценке итогов сражения при Манцикерте (с. 200).

Удивляет не критическое отношение соискателя к сведениям письменных источников и оценкам турецких историков в отношении численности армий Византии и крестоносцев. Численность византийской армии в битве при Манцикерте (1071 г.) оценивается автором в 400 тысяч воинов (с. 168, 171 и др.).

Как пишет соискатель, армия Мануила Комнина в битве при Мириокефале «по численности... не уступала армии Романа IV Диогена», т. е. также достигала 400 тысяч. Необходимо подчеркнуть, что в литературе существуют разные оценки численности византийских войск в этих сражениях. Называются более адекватные цифры в 40, 50, 70 тысяч. Согласно Харперовской энциклопедии военной истории, вся армия Романа IV вместе с наемниками насчитывала 50–60 тысяч воинов (Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн (Харперовская энциклопедия военной истории). Кн. I. 3500 год до Р.Х. – 1400 год от Р.Х. – М.; СПб.: Полигон Аст, 1991. – С. 634).

Но особенно стоит обратить внимание на многократное превышение соискателем численности участников Крестовых походов. Особенно показательна цифра воинов Второго крестового похода, которую называет автор диссертации. По его оценкам, численность крестоносцев в 1147 – 1149 гг. «превышала 1 миллион человек, из которых 140 тысяч составляла тяжёлая рыцарская кавалерия» (с. 279, 428). Притом что Дж. Норвич оценивал число французских и немецких воинов в 15 тысяч; Ф.И. Успенский – в 70 тысяч, в других исследованиях говорится о том, что в Анатолию было переправлено 90 тысяч воинов. Авторитетный советский ученый М.А. Заборов всю численность крестоносных армий оценивал в 140 тысяч (Заборов М.А. Крестовые походы. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 139-140). Таким образом, несмотря на разную оценку численности историками, порядок цифр говорит о том, что соискатель завысил численность воинов Второго Крестового похода минимум в 7-10 раз. Нельзя не отметить, что данные В.М. Запорожца противоречат и общим сведениям о типичном составе европейских армий XI-XII вв., которые редко по численности превышали несколько десятков тысяч воинов.

Подобные завышения численности войск противников сельджуков могут быть вызваны стремлением автора возвысить военные успехи тюрок, но такой подход вряд ли допустим в научном исследовании. Многократное завышение количественного состава войск противников дезавуирует научный характер ряда выводов автора диссертации. Явно дискуссионным является мнение соиска-

теля, что «сельджукам удалось, образно говоря, «переломить хребет» крестовому движению».

Совершенно непонятна роль Приложения I.1, в котором дана краткая история Тюркских каганатов (с. 461-473). Вполне можно было ограничиться отсылками к труду Н.Я. Бичурина (тем более что большая часть текста Приложения взята из его «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена») или к работам С.Г. Кляшторного и его соавторов (Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб.: Наука, 2006; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей от древности к новому времени. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2009 и др.).

Вызывает возражение мнение соискателя о существовании в этническом составе Тюркских и Уйгурского каганатов «народа огузов» (с. 6, 59, 60, 61, 62, 415, 416; Приложение I.2, с. 473-487). В.М. Запорожец считает, что огузы были «второй после тюрков силой в каганате» (с. 415, 416) и даже предполагает, что «огузы и тюрки были одним народом» (с. 49). Однако исторические источники по истории Центральной Азии VII – середины VIII вв. не знают этнической группы огузов. Слово «огузы» употребляется в тюркских и уйгурских надписях в значении общего понятия «племя» и означает племенную единицу во временных либо более или менее постоянных объединениях нескольких племен. В тюркских и уйгурских текстах фигурируют союзы трех племен (уч-огузы – карлуки), восьми племен (секиз-огузы), девяти племен (токуз-огузы). В памятниках письменности Второго Тюркского каганата наиболее часто встречается термин «токуз-огузы» – конфедерация племен теле во главе с уйгурами. В китайских хрониках еще с 630-х гг. известна «калька» тюркского понятия «токуз-огузы» – «девять фамилий» или «девять племен». В постоянный состав токуз-огузов входили племена уйгуров, пугу (бугу), хунь, тунло, сыцзе, циби, абусы, гулуныгу. На разных этапах среди токуз-огузов указывались эдизы, долангэ, хусе, белые си, сицзе (Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII – IX вв. – Алматы: Изд-

во «Наш мир», 2001. – С. 66). Таким образом, среди этнических групп, входивших в состав Тюркских каганатов, не фиксируется клан, племя или объединение, называвшее себя «огузами». По всей видимости, формирование этнической общности огузов из разных тюркоязычных групп происходило уже в Средней Азии.

В контексте современных теорий политогенеза сомнительна оценка В.М. Запорожцем объединения огузов в Средней Азии (Огузский ябгулук) как государства. Также остался открытым вопрос о зарождении разных государственных институтов и функций у сельджуков в Малой Азии. В диссертации генезис государственности, несмотря на наличие параграфа 5.1. «Образование и становление тюркского Сельджукского государства», практически не исследуется, а автор сосредотачивается на завоеваниях первых сельджукских правителей и борьбе с христианами, а потом дает характеристику уже зрелых форм государственности в шестой главе.

Указанные замечания не умаляют достоинств работы В.М. Запорожца. В целом полученные В.М. Запорожцем в ходе исследования результаты раскрывают поставленную цель и задачи. Тема диссертации полностью соответствует заявленной научной специальности 07.00.03 – Всеобщая история (средние века). Автореферат отражает основное содержание диссертации.

Диссертация содержит многочисленные ссылки на источники и работы других авторов, с которыми В.М. Запорожец ведет постоянную научную полемику. Работа написана хорошим языком, стиль изложения научный.

Основные научные результаты диссертации соискателя опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, внесенных в Перечень журналов и изданий, утвержденных ВАК (16 публикаций), монографии и учебном пособии. К сожалению, другие публикации соискателя в автореферате не представлены.

Диссертационное исследование «Роль тюркок-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI – начале XIV века» соответствует требованиям пункта 9 Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. и может

быть оценено как научно-квалификационная работа, в которой на основании выполненных автором исследований решена научная проблема, имеющая важное политическое, социальное и этнорелигиозное значение, а ее автор Владимир Михайлович Запорожец заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук

(специальность 07.00.03 – Всеобщая история),

доцент кафедры всеобщей истории

и социально-политических наук

ФГБОУ ВО «Кемеровский

государственный университет»

Сергей Александрович Васютин

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования

«Кемеровский государственный университет»,

650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,

e-mail: vasutin2012@list.ru

Тел.: рабочий +7 (3842) 58-33-97, (3842) 58-06-01; сотовый +7-905-968-67-83

16 марта 2018 г.

СВЕДЕНИЯ

об официальном оппоненте

по диссертации Владимира Михайловича Запорожца
«Роль тюрков-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем
Востоке в XI – начале XIV века»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (средние века)

Фамилия, имя, отчество оппонента	Васютин Сергей Александрович
Год рождения, гражданство	1971, Российская Федерация
Ученая степень, ученое звание, шифр научной специальности	Доктор исторических наук, доцент, Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
Основное место работы	Доцент кафедры Всеобщей истории и социально-политических наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»
Почтовый индекс, адрес организации	650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6
Веб-сайт организации	http://www.kemsu.ru/
Телефон	8 (384-2) 58-38-85
Адрес электронной почты	rector@kemsu.ru
Список основных публикаций по теме диссертации	<p>1. Васютин С. А. «...тогда я привел в смятение тюркский эль, тогда я его погубил». Падение тюркских каганатов: факторы и механизмы // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 3 (59). – Т. 2. – С. 61–66..</p> <p>2. Васютин С. А. «Когда силы государства стали...ничтожными». Кризис и падение «дуальной империи» Да Ляо // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – №3 (59) – Т.3. – С. 49–54</p> <p>3. Васютин С. А. Племенная иерархия и статус племенных объединений в имперских системах тюркских каганатов (середина VI – первая половина VIII вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2</p>

(62). – Т. 6. – С. 12–17.

4. Васютин С. А. Традиционные и инновационные механизмы управления в кочевых обществах Центральной Азии VI–XIII вв. Ч. 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61). – Т. 3 – С. 13–20.

5. Васютин С. А. Традиционные и инновационные механизмы управления в кочевых обществах Центральной Азии VI–XIII вв. Ч. 2 // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61). – Т. 3 – С. 20–26.

6. Васютин С.А. Кочевые элиты Центральной Азии эпохи Тюркских и Уйгурского каганатов (середина VI – первая половина IX в.) / С.А. Васютин // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография / отв. ред. П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – С. 108–130.

7. Vasyutin S. A. The Model of the Political Transformation of the Dao Liao as an Alternative to the Evolution of the Structures of Authority in the Early Medieval Pastoral Empires of Mongolia // Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE / Edited J. Bemmann, M. Schmauder. – Bonn: Vor-und Fruhgeschichtliche Archaologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universitat Bonn, 2015. – С. 391–437.

8. Васютин С. А. Города кочевников как фактор социально-политических трансформаций // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы Международной практической конференции, Улан-Удэ, 7-8 апреля, 2015 г. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2015. – С. 223–231.

9. Васютин С. А. Военная власть правителя (кочевые традиции и их преломление в кочевых обществах) // Власть и ее пределы в Средние века и раннее Новое время. Сборник статей. – М.: ИВИ РАН, 2015. – С. 127–137.

10. Васютин С. А. «Народ токуз-огузов был мой собственный народ» (этнополитическое конструирование в тюркских и уйгурских текстах) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: материалы VI Международной конференции (г. Хух-хото, 12-16

октября 2015 г.). – Пекин: Хуан Чэн Быт, 2015. – С. 1017–1025.

11. Васютин С. А. Правящие элиты Уйгурского каганата в период падения империи // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Материалы VII Международной научной конференции (Красноярск, 3–7 октября 2016 г.). – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. – Ч. 2. – С. 30–35.

12. Васютин С. А. Уйгурское «царство» VII в.: проблемы интерпретации политического статуса // Тюркологический сборник 2013–2014: Памяти С.Г. Кляшторного / ред. кол. Т.Д. Скрынникова, Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. – СПб.: Институт восточных рукописей РАН, 2016. – С. 41–65.

Официальный оппонент

Васютин Сергей Александрович,
доктор исторических наук, доцент

